

1 ...Главное, на мой взгляд, — отношение поэта к слову. Слово — не средство выражения мысли. Оно само в себе — мысль, пласт истории, этики и эстетики. Завораживает и морфологическим спектром, и фонетической суггестией. Слово легче воздуха и тяжелее камня. Единица измерения поэзии для меня — святость слова в контексте...

И еще — предельная правда психологического наплыва. Но это уже требование только к себе, при выполнении своей, как говорят психологи, вербальной задачи. У других поэтов — другие предельные правды...

* В сборник включены стихотворения 1972—1982 годов.

Независимо от сложностей современного книгопечатания, я всегда считала, что публиковать одну книгу надо, написав десять. Впрочем, принцип «выдержанного вина» устраивал и тех, от кого зависело, быть ли слову молодого поэта в печати, хотя бы в периодической. Сегодня хочется возразить им и себе: стихи не портятся, но поэты скисают...

Что же касается анкетных данных, — они в отделе кадров. И довольно скучные. Увы, не разделяю романтики перемены мест и вообще туристических методов познания жизни. Эмпирика порождает риторичку, а подлинная биография лирика — едино личностное открытие вечных как мир понятий...

- Ольга Бешенковская

Ничего и не надо особого, нового...

Лист смородины—младший братишка кленового.

А ладонь человечья—наверно, племянница.
Разрастайся, родня!

Хоть кому-то вспомнится...

В золотых завитках, по-дворянски затейливо,
В ленинградском дворе—родословное

дерево ...

И потрогать могу, и листаю взволнованно,

И под

кроной стою, сентябрем коронована!

День, последним не ставший,—

как праздник рождения!

И не ляжку тяну,

а рас-тя-ги-ваю наслаждения:

Обстоятельный чай с пирогами домашними,

Затяжной, как прыжок, поцелуй под

ромашками, Все вобравший в себя:

страх, восторг, ожидание,

И случайные блики на смутное, давнее,

И до слез—хоть проси у кого-то прощения...

И другие, прильнувшие к ним, ощущения.

Я на свете живу по любви и посуточно,

Осторожно вздыхая, что время рассудочно,

И над быстрой водой под столетними соснами

Забываюсь все чаще как-то осознанней...

Мандарины зимой удивительно пахнут
С первой елки твоей—

до последней отдышки...

Вот лежишь, и зрачок ожиданием распахнут,
И щека согревает ладошки-ледышки,
Потому что на вкрадчивых елочных лапах,
Расщепляясь и в каждую щелочку юркнув,
И висит, и течет, и баюкает запах,
Беззащитный, щекотный, щемящий, уютный...
Словно горькие губы лишь в лоб целовали,
Извиняясь как будто за каменный привкус,
Если сказочным зячком сквозит в целлофане
Мандаринного детства оранжевый призрак...
Словно где-то вдали моросит мандолина,
К пробуждению тоньше, протяжней и глуше...
Ты послушай, как пахнут зимой мандарины,
Как зима

мандаринами пахнет,—послушай:

Вся, от ропотной, робкой улыбки снежинки,
Мимолетом угаданной (было—и нету),
До остриженных веток, скребущих с нажимом
В аккуратной тетради начального неба ...
Излучают витрины зарю мандаринов,
И смягчаются щек зачерстневших

горбушки,—

Словно всю эту зиму тебе подарили,
В новогоднюю ночь положив под подушку.
И мерцает она в серебристой обертке,
И нельзя на нее надышаться-наглядеться,
Потому что зима, что сегодня обрел ты,
Протянула—

метели —

от самого—

детства ...

* * *

Щенок не мне принадлежит,
Не ластится у ног —
За тенью бабочки бежит
Доверчивый щенок.
В носочках белых, впопыхах
И в шубке меховой —
Как в романтических стихах
С подкладкой деловой...
... Бежать сквозь тернии куста
На запах и восток
И черной стрелочкой хвоста
Показывать восторг...
Ну что ж, гоняйся, ковыляй,
Повизгивай — ну что ж ...
Но хоть рычи, а хоть виляй —
Иного не найдешь...
Для тех, кто утром не пуглив,
Сгустятся вечера,
Копиркой мрачной отделив
Сегодня от вчера.
... И хвост поджатый, как вопрос,
И лапки на весу.
И влажно вздрагивает нос,
Почуяв колбасу...

* * *

Мой полубелый-получерный,
Смешной, как в плаче арлекин,

С утра в квартире заключенный,
На жизнь собачью обреченный,
Смышленный, хоть и неученый,
Приляг, ушами пораскинь:
Допустим, мы тебя отпустим —
Но ты не дог и не бульдог,
Бог знает кто...

А мир жесток,
Особо —к найденным в капусте.
...Затих. Прижался—как продрог.
С шолом-алейхемовской грустью
Косясь на строгий поводок...

* * *

До обидного прост и недолог
Путь к старинному сейфу души:
Бородатый, как черт, социолог
Пододвинет анкету—пиши...
Бесполезно уже притворяться,
Разглядит он, как ты ни таи,
Сквозь замочную щель перфораций
все наивные тайны твои.
И держись, развеселая
личность, —
Лучше даже, чем другу, видны
И усталость твоя, и скептичность,
И тенденция к чувству вины ...
Только хрустнет задетая ветка,
Расцветет ли строка ни о чем —
Мефистофель двадцатого века,
Усмехаясь, стоит за плечом ...

* * *

Весь город меняет квартиры.
Сквозь шепот и в гомоне свар
Балконы, кладовки, сортиры—
Взаимолюбезный товар.
Соседями, видом из окон,
Расчетливо или в бреду,
Как будто и прошлым, и роком
Махнуться имея в виду,
Район ли, этаж выбирая—
Меняйтесь захлеб и подряд!
Извечные поиски рая,
Сегодняшний скромный обряд...
Шурши, листопад объявлений,
Буди, телефонный каскад!
Обмены—лекарство от лени:
Меняться, метаться, искать!
Бессмысленны и непременно
До стога, до вспоротых вен
Обмеры — обманы — обмены,
Соблазны любых перемен...

* * *

В гранатовом зерне—
Волшебная вещица,—

Как в розовом огне,

Порхала танцовщица ...

И лоб горел огнем,

И с ней кружились банты,
Снежинки за окном
Мелькали, как пуанты,

В метели молока

Шипела, пела сода ...

Как облако, легка
Ангинная свобода!
От вырезанных гланд
Видение исчезнет.
Проходит наш талант,
Как детские болезни...

РОДИТЕЛЯМ

Постойте еще,
покажитесь еще на
балконе. (На белой стене—
огороженный астрами
выступ.) ... Споткнусь у торца,
и опять оглянусь,
и спокойней
Вздохну, и пойду
вдоль заржавленных,
вечно ветвистых
Кустов без названья...
Зажмурившись, прыгну в
автобус
И с хрустом откинусь
на коже, другими согретой;
Под веками пряча
(так резко не встряхивай,
тормоз!) Двоих на балконе—
щемящую карточку
эту, Отснятую взглядом,
слезами—наводка на
резкость, Все меньше фигурки...
Останьтесь навек на
балконе!
Я скоро приеду!
А следом — прощальные
всплески, Как будто прощая,
как будто слабея в погоне...
Мне нужно на службу
и к прочим высоким
заботам, Но утренний шаг
у торца висит, как
блюдец, Как будто исчезнешь —
постойте же! —
за поворотом —
И с белой стеной,
удлиняющей тени,
сольются...

Когда, склоняясь над письменным столом,
Я прохожу сквозь стены и глазею
На голубых простейших под стеклом.
Они идут... Куда они идут?
Вернее, вьются, тужатся и тщатся,
А снег идет. Но хватит возмущаться
Их жизнью одноклеточной. И тут
Идут часы, события бывают:
Разводы, свадьбы,—маленький, но факт..
Дают «прогресс» ... Начальник вызывает
(Не на дуэль. Дай бог, не на инфаркт).
А снег идет...

Березы клавесин
Звенит в саду, который, всюду рядом...
Но эти люди расщепляют атом,
А ты, признаться, только апельсин...
А ты сама как скрепки нижешь строфы,
Надеясь, неосознанно почти,
И на пути к любви своей Голгофу
И на пути к Парнасу обойти...
И, повздыхай, что в мире мало света,
В слепой подушке ищешь тишины...
... Не остряки, но острые поэты
И чистый снег отечеству нужны!
А снег идет. Идет совсем один.
Кому повем печаль твою, о Снеже!..
И для кого так светел ты?

И с кем же
Склониться над мозаикою льдин?

Чего мы ждем от зябнувшего мира

В ночном сиротстве с ним наедине?
Несовершенна личность, а не лира,

Не мир, а миф о собственной цене.

И даже самый вздох о благородстве—
Он слишком сладок около восьми...

В своем сиротстве и в своем юродстве
Мы виноваты сами, черт возьми!

Вот снег идет...

Идет рабочий стаж.
Идет зарплата. Иногда—работа.
И о расплате думать неохота,
Стремительно взлетая на этаж
И снег идет пока не на виски...
И не были б желанья простыми,
Но рано стали улицы пустыми ...
И проводов седые волоски
О материнских мне напоминают

Кощунственно, но вовремя зато:
Пока еще идет она, родная,
В моем снегу и в стареньком пальто...
И снег идет...

А ты уходишь в снег... Один из
всех. Единственны — внезапно. Ты ждал
меня, а я смеялась: «Завтра!» А снег идет...

И ты уходишь с ней...
А я прижму—насмешница, гордячка—
К твоей груди надменное чело... Наверно, это
белая горячка
От снега и не знаю отчего...

А снег идет, и улицы пустеют...

* * *

И пока на морозном конверте окна
не погашена марка—
Золотой полумесяц с краями зубчатыми, Вечера
наших дней —
как хрустящие письма из марта —
Незаметно летят...

Кем-то будете вы распечатаны,
Наших дней вечера?..

В повседневном уюте предметы:
Неостывший кофейник и пушкинский томик...
Тополиная ветка

в сосуде с наклейкою

«водка»...

Простые приметы...

Он музей этнографии—

наш заснеженный домик.

Вот висят на гвозде

образцы неказистых одежд,

То есть, как нам казалось,

пижонские лыжные куртки.

Половица скрипит...

В пепелище стихов и надежд,

Как вороны, уткнулись окурки.

Что поделаешь, легкие наши и сердце—

добыча пороков,

Наших дней вечера

скоротали смешные болезни:

Из какого-то рака

слона, понимаешь ли, сделали

и, не помня уроков,

Поучали других: что вредней—что

полезней ...

Вот он, ящик с бельмом, тот, в который

сыграло искусство,—

Незавидная роль заурядных героев

массовки ...

Воск терпенья и веры, всегда оплывавший

медово и грустно,

Осквернен ширпотребным налетом рисовки:

Свечка декоративная...

Крестик...

Иконка-чеканка ...

Интерьерные поиски—происки—

прииски в дебрях религий...

Вечера наших дней ...

Привкус жести...
Консервная банка
И беспомощный лифчик на стуле...
О, сколько реликвий,
Сохраняющих форму
нехитрого нашего быта ...

Виновато в углу притулившийся веник
Так и будет наказан за ссору,
которую время смело...

Ничего не забыто.
Всё запомнили вещи, и—надо же —
Стоили денег...
И тахта, повидавшая виды, вздыхавшая
в такт,

Если пальцы без фальши играли
на клавишах тела.
И часы, в тишине протекавшие так,
Что невольно считала их звонкие капли,
хотя—не хотела.

Истекали часы ...
Но держалась блестящая марка—
Золотой полумесяц на морозном окне,
обращенном к Отчизне...

Вечера наших дней—
как хрустящие письма из марта
О нелегкой любви к этой горькой
и праздничной жизни.

II

* * *

Чуть-чуть незавершенности, чуть-чуть...
Продлись, изнеможение отлива ...

И прожитым взволнованная грудь Сравниется
с землей нетороливо.

Так нежные и властные толчки,

Пронзая всю, все выше отдаются —

До слез... До звезд...

И замерли смычки...

А звуки тают ... тлеют ... остаются ... Чуть-чуть
незавершенности — ну хоть На выдох—как в
березовом наброске

И в строчке, что нашептывал Господь Сквозь
облачко потухшей папироски.

Я так боюсь, что, этого лишись,

И все, что строим или произносим, Теряет
смысл.

Пусть убывает жизнь, Как
близость, как поэзия и осень...

И в чем ее пронзительная суть:

В слиянье или в трепете разлуки?

Чуть-чуть незавершенности, чуть-чуть, Над
пропастью

выпрастывая

руки...

* * *

Не плачь. А плащ пускай сверкает -
Блестящекрылый дождевик,
Пришелец... Медленно стекают
Густые кляксы ежевик.
Возьмешь губами — странно, сладко
И веришь привкусу, как сну:
Таит волнующая складка
Космическую глубину.
И как намек на жизнь чужую,
К которой тянется трава,
Звезды прохладные чешуйки
Дрожат на сгибе рукава.
Смотри, как празднично намок он
Соленой мгле благодаря:
Чернеет парус одиноко
В бенгальских брызгах фонаря!
Пойдем ... Покуда чай да дело
И наваждение не стекло,
Он сохраняет форму тела
И даже, может быть, тепло.
Пускай себе в прихожей реет,
Встревожив запахом щенка,
Пригревшись возле батареи
У стенки влажной, как щека ...
Не так уж вечер наш кромешен,
Пока — далекий и живой—
Весь этот мир уравновешен
Блестящей каплей дождевой...

Прощаться легче в аэропорту ...

Стекла и ветра проблески и всплески.

Он весь—сквозняк, простор без занавески;
И холодок у сердца и во рту.
Аэропорт—бездомное окно!
Конфетный вкус высокого сиротства ...
И то, что небом с небыли зовется, —
Одно на всех, со всеми заодно...
Как будто некий космополитизм
Уже в самой конструкции заложен...
И лайнеры—как вымытые ложки:
Черпни погуще—в космос полети...
Как хорошо, что можно улетать
И провожать, как будто улетаешь, —
Кто различит, зачем в тумане таешь
И мука это или благодать...
Так на одно размытое лицо
Аэропорт прилета и отлета,
И ничего не значащая нота—
На праздник или траур письмецо ...
— Пишите мне ...
— И вы пишите мне ...
(Все рядом, как на радиоволне.)
Со всех сторон—дыханье миража,
Подкова звезд — верблюжья ли, оленья?
Столбцы иного летоисчисления
И легкость рук, лишенных багажа.
Аэропорт прозрачен, как намек
На ту другую, скорую разлуку,
Где в пустоту протягиваешь руку —
И слабнут пальцы, сжатые в комок ...
Где наша жизнь сжимается в петит
И даже то, чего не досказала.
Но горький дым отечества с вокзала
Чужого к нам уже не долетит ...

Прощаться легче в аэропорту.

ИЗ ЦИКЛА «ВЗМОРЬЕ»

Откуда бабочка-капустница

Над крепкой встрепанной волной?

Ты отпусница иль отступница

От жизни, с воздуха земной?

Надгородная,

над взрывами

Белокочанными —

куда?

Мы не умеем быть счастливыми,

Но можно камешки кидать

До ночи, до изнеможения,

До скудных мыслей, до зевот

И до того слепого жжения,

Что вдохновением зовем.

И взгляд поверх стихий и пристани

Отметит этот пустячок:

В пространстве темпом и неистовом

Порхает

времени

клочок...

Мидию, узницу склепа,

Ноготь нечаянно вскрыл. ...

Как это все же нелепо,

Что обреченный — двукрыл:

Жившая в тине и в тайне,

Хрустнула—и обрела

Выпуклые очертанья

Ласточки или орла.

Лучше так постоять...

Побродить до пристойных восьми,
Не взглядевшись в лицо затемненного
полуотцовства ...

..Да чего Вы боитесь!

Да господи, черт Вас возьми,
Ваша сила, маэстро,

отнюдь не в эффектных концовках ...
Наша близость и так—

это духосмесительный грех.
И прерывистый пульс —

телеграфным пунктиром по коже:

Так побочные дети, провинция, ветер прорех,
Объявляются вдруг,

и до бешенства — здрасьте—похожи!
До свиданья.

До завтра.

Не выдержу третьего дня!
И второго.

И часа.

Входите, я, кажется, рада.
Но прощайте.

Прошу: отведите глаза от меня!
Не дуэт,

а дуэль:
два осенних рентгеновских взгляда ...

Мир дому нашему. Не улетел.
Окаменела птица на фронтоне—
Энергия в споткнувшемся фотоне,
Воробышек, что звездами вспотел.
Приблизиться ...

Отпрянуть...

Замереть...

Передышать торжественность момента
И холод именного инструмента
Настроить на открытие...

Любимый!
(Звучит—как здравствуй. Тайна языка,
Семантика ночных землетрясений.)

Скажи, зачем в постели облака
И плащ— в следах стилистики осенней?

Зачем вопрос, в котором есть ответ,
И оправданье, и тоска матроса

На берегу; и отсвет, и просвет,
И свет угроз; и вовсе нет вопроса ...

Послушно заплетается язык,
Когда владеешь им, а не собою,
Вернее, он—тобою...

Не изыск,

А узелок,

завязанный судьбою
На память? Нет. В дорогу. Но при чем
Дорога, если дорого дыханье
И у плеча, и над, и за плечом?
(Ищу предлога...)

Все-таки духами

Вовек не утолиться алкашу
(Какие неуютные словечки),
Но, слава Богу, все-таки дышу
Тобой, с тобой, в тебя ...

В стеклянной свечке

Оранжевеет скобка. Наш огонь
Оставим в скобках... Скроем абажуром.
Война и мир. Кентавр. Лаокоон.
И при чужих безумствах подежурим,
И при своих наличных проживем. ...
Да что же получается опять,
Верней, не получается, любимый!
Скажи, какой протест неистребимый
Мне руки выворачивает вспять,
А строки вслед — немислимый подтекст...

И почему так медленно и грустно
Выходит на бумагу все, что устно—
Так празднично?

(Как проводы невест:

Свались с луны—склонишься невпопад
Не с поздравленьем —в соболезнаванье
К рукам остолбеневших на диване
Родителей Офелии ...)

Обряд

Наскучил? (Счетчик Фрейда, упаси!)

Дотронься лишь—я молнии вдоль тела.
Античный тир... Да я б к тебе летела,
Когда б не он, а ты - на небеси ...

Как примирить мне вас, вернее, как
Поссорить, разлучить, чтоб различала,
Свести концы с концами, нет, начала:
Крыло и руку—дважды свет и мрак?
Двойная щедрость скаредной судьбы,
Где что любовь-страстишка пригодится...
Комплект любви, гармония кондиций ...
Благодарить бы, а не на дыбы, -
Как за конструктор—детство:

чертежи,

Космически блестящие детали ...
Надменное изящество в металле
Люблю — полюбоваться.

Но скажи,

Как трепет созерцанья совместить
С вторжением отвертки? И в поэме,
Живой как жизнь, смонтировать по схеме
Два образа мятущихся? Сместить
Крыло и руку, чтобы расчленил
В тот звездный час, когда мосты разводят
И две любви—две полных чаши бродят.
И не свести в невидимую нить,
Как не взойти созвездия Весов Моим
охранным знаком Зодиака...

...Затих у ног лохматый забияка—
Счастливчик, не терзающий висок
Раздумьем о природе колбасы,

Поскольку через голову как через
Начальство—ухо переходит в челюсть

Так совершенно, будто для красы.

Спи, сукин сын. Мой пёсик. Мой психей ...
(Комфорт ковра и поза эмбриона.)
Да не стряется гром во время оно
Ни за окном, ни в кухне, ни в стихе.
Мир дому нашему. И миру—не содом.
И сон собачке (непокобелмый) ...
И бог с пером...

Но я же не о том
Тебя спросить надеялась, любимый,
Верней, сказать хотела.

Рассвело...
Хоть вон из тела — мира не нарушу!

Скажи, зачем же тело лезет в душу?

Одной души касается крыло!

Вдвойне любимый: любящий, ответь

Губами, выпивающими губы

До пустоты, до солнечного куба... ...
Приблизиться ...

Отпрянуть... Замереть...

Передышать в сторонке, как в гостях,
Как на гвоздях...

Раскрыл твоих объятий
И тени рук его... О, скрест распятий!
О, мельница! О, снег на лопастях!..

Мальчик, бабочка, сачок,
Неба маечный клочок—
Улетающая майка...
Василек зубчат, как марка.
И пора отдать отчет,
Для чего тебе бумага.
Солнце—круглая печать—
Сургучом тела печет.
И пора начать отсчет
Или что-нибудь начать,
Но открыточного мака
В заказное не включать.

Значит, здравствуй и прощай,

Этих строк не получай,

Получай свою зарплату,

Кто—не знаю. Адресату,

Почтальон, вручи на чай

Маету мою и мяту

(Только запах—не пучок) ...
Мальчик, бабочка, сачок...

Мальчик, бабочка, сачок

В уголке души и сада –

Как на лацкане значок.

Упорхнули — и висят,

Славно спугав дом и сад,

То есть словно, а не славно,

Так естественно и плавно,

Что нельзя не описать;

Нить не спутать — и подavno ..

Мальчик, бабочка, сачок...

Осень, музыка, смычок...
Бег на месте, голос жеста,
Неба маечный клочок,
Невесомость и блаженство,
Ускользание совершенства ...
Может, в том и совершенство,
серебристый паучок?
(Заплетающий слова
В кружева, пока жива.)

Мальчик, бабочка, сачок...

Осень, посох, старичок...

Желтый лист летит по кругу,
Ткнется в землю—и молчок.

Ах, зачем он тянет руку –

Покачнется, старичок ...

Старичок не новичок,

Но стоят во весь зрачок,

Как привязаны друг к другу,

Мальчик - -- бабочка - сачок ...

+ •^ ^

Я живу высоко. Подо мною - простор и уют.
Человечки спуют.

И мужчина дошкольного роста
Все играет с машиной ... И очередь, знаком вопроса,
Препинаясь, стоит.
Всем не хватает,
но что-то дают...

Сколько окон в окошке! Открыла однажды -
и вот
Каждый вечер теперь удивляюсь
простому закону:
Сколько в доме напротив прозрачных новелл
законных,
А в своем же - напротив - как будто никто не живет.

И когда невзначай
(просто выдался медленный миг)
Неприкованный взгляд
подымается
выше и выше,
Вижу только: дрожит, зацепившись
на краешке крыши,
Желтый сморщенный лист или робкий
космический блик.

Страшновато и странно висеть
на такой высоте,
Где уже в небеса переходит житейское небо...
Только рифма спасет-прощебечет ко времени:
«хлеба»,
И спускаешься вниз,
занимать своё место в хвосте...

Воскресни! Взгляни, что творится,
Какая в наследство земля...

С могильщиком договориться,

О горестных метрах моля.

Что этому дельному парню
Эпохи наличных валют,

Что золотом—вечная память
Тебе, не погибшему тут.

Уснул на потертом диване—
Вернулся, считай, в колыбель...

На Пулковском меридиане

Отныне—моя параллель.

Сын века с повадками скифа
Кряхтит, не скрывая ленцы,
Последние авторы мифа
Уходят. Прощайте, отцы...

Себе бы и горсть не просила
Земли, над которой стою...

Твой вечный защитник, Россия,
За взятку
 лежит
 на краю...

Пусто, как лошадки протрусили,

Унося дорогу вдаль, и с ней

Чью-то спину в мягкой парусине,
Свиток пыли в искорках пенсне.

Будто вон он — только что
проехал.

(И, как дужка, тоненькая грусть.)

След России...

Бунин или Чехов?

Или просто воздух наизусть?

 Деревенский эскиз

Переливалось молоко...

О, как -
 слепа --
 переливалось! До кружки
было далеко,
 И в солнце все
перемывалось,
 переливаясь;
таял пар,
и всё казалось:
 вое моложе Лукавый
глиняный загар

На шее амфоры молочной
С жемчужной нитью молока, Смеясь
оброненной —
 ловите!
 И кружку сжавшая
рука
Казалась нищенской
 для нити

...такой сияющей, что взгляд-

И порвалась—не оторвется...

Так поцелуй рассветный длят

Зимой,

пока не отзовется

В груди:
 так рифма, прозвенев,
Не обрывает связь с бумагой...
...И если истина --
 в вине,
То перед этой первой влагой,
Как детство звонкой и парной,

Затвердевавшей в белозубость, Чтобы
впитаться в перегнутой
Для новой,—
 скиснув и насупясь,
Насытись жизнью...
 Как легка На
миг,
 и тот присочинила, — Телячья
радость молока Переливается в
чернила...

Коктейль молочный...

Сырость.

Стыд,

Как после страсти с перепоя.
Облезлый кот с хозяйкой спит,
Щемит объятие слепое
Рукою ищущей

(следы

Земли—как въевшегося шрифта)...

...Окошко в проблесках слюды

Переливающейся,

кривда

Гниющей рамы...

Как маньяк,

Самим собой изнемогая,

Радиостанция «Маяк»

Или какая-то другая...

И так давно и далеко,

Что и несбыточно как будто.

Переливалось молоко,

Последней капли незабудка

Светилась...

Женщина зевком

(Ржавей пилы полоска десен)

Кивнет;

корявым босиком

По хриплым доскам выйдет в осень,

Поеживаясь, —

холода

Рассветные,

как в прошлом годе..

.И, ни стара, ни молода,

Приемлет все, что происходит...

...Узнай, что гость - голодный враг.

Возненавидит и - накормит...

И так доверчив этот мрак;

И так дремуч,

как эти корни

Под облетающей листвой.

Неизлечимая природа.

...Молчи. Никчемный пафос твой

Не даст ей мужа и прироста. ..

Как ни юродствуй - не смешно.

Заголосить по ней, напиться?

На крыше в ржавчине ржаной

Трепещет мокрая тряпица

Так жалобно, уныло так—

Как с увядающего древа...

Как будто начали латать

И бросили—до обогрева

Лучами

(благо - далеко

И цвет от сущности оторван)...

...Переливалось молоко

В отрывку утром - рефлекторно,

Как все, что нас пьянит сперва.

...Потом, вздохнув, уходишь с Богом

Не пить—но горько воспевать

Переливающимся слогом...

IV

Зачем
пейзажем
бередим
Свое
надломленное,
сирое?
Ответный взгляд необходим?
Обмен спасительными силами?
Чужой беды зеркальный свет?
Напротив, промельк звонкой клавиши,
Внезапный, как велосипед
На склоне осени и кладбища?
...Светись, пронзительность берез,
Эскизно робкая и частая,
И созерцание до слез
Уже на грани соучастия...
Природа тем и хороша,
Что рядом видно далеко ее...
...Смотреть и слушать не дыша,
Не унижая аллегорией.

Пастернак будто внове—в траве
Рифмы переливаются в капли,
Зелень бьется как в клюве у цапли
В остром взгляде и цепкой строфе.
Зацепило—читай, почитай,
Причитай над невстречей,—благо
Истончилось лицо как бумага,
Белый срез—роковая черта.
Запоздалые всплески любви
Над простынным всхолмленьем
страницы.

А сомкнутся ресницы—приснится:
Ворот настезь—на вдохе живи!
Не терзай 'меня, титульный лист,
Этим снимком неисповедимым...
...Снова ночь, леденящая свист,
Снова двух соловьев поединок.
Сны—парение, а не провал:
Вот стоит он, угрюмый, угластый,
Реалисту чужой и схоласту,
Будто Альтман его рисовал...
Вот уходит: зови—не зови...
(А в картинке повинен Катаев.)
Хмурый, темный, вовек не оттаяв,
Не дождавшись последней любви...
Мало жертв ему было и бед,
Так еще этот—минами—клевер...
А вдали дуралей жеребец
Шумно

дышит

в породистом

гневе...

Здравствуй, покинутый, вот мы и свиделись,
Как до разлуки:
Будто из отпуска — бронзовым витязем,
За плечи — руки
По волосам, что волнистее памяти
(Все за плечами),
Истосковавшись, ослепшими пальцами
Или — лучами?
Невозвратно и
незабываемо—
Памяти Часа,
После которого с горя спиваются
Или от счастья.
Не обольщайся: тоска по далекому—
Как ностальгия.
Голос транслируют—ноет и екает,
Виды —другие...
Просто всегда бережливей с
отринутым,
Чем с настоящим.
В грусти без умысла, хоть и не принято,
Силу обрящем,
Может, и сбудусь, как снилась,
постранствовав,
Только не скоро.
Согнута ветка, прижата
пространствами,
Словно рессора.

с оливковой мухой, в девицах—навозной,
Вулкана—с букетом; сарьяновский крен
Июльской природы, готовой на воздух
Взлететь из последних расплавленных
сил,

Снимает как приступ сквозная терраса
Миражем осенним...

И дышит настил,

Не сдавленный ворсом и пылью паласа
Полянного.

Кто изобрел витражи—

Наркотик для зренья, эффектный двояко:
Сперва одеяльце лоскутное лжи,
А после—мозаика памяти, яда
Целебная доза... И падает жар,
И столбик венозный бледнеет, как будто
Снижается в воду оранжевый шар,
Висящий над сыном, сидящим как будда;
И бой в барабанных, слабеющий в
стон
Настенных, и оспа газетного фона...
...И вот проступают кувшин и лимон
— Бессмертная и совершенная
форма!

* * *

Загнуты, как фантики,
Крыши фанз.
Формочкой в песочнице
В Фивах—сфинкс.
Поселиться в Антике
Возле ваз?
Возле вас без отчества?
Ветра свист...

Сколько в жизни видано
Из окна...
Как листвою выткана
Ти-ши-на...

Сколько слез—хоть выращивай лес! Тяжелее
мужские на вес:
Семена и осколки печали.
Пусть восходит стеклянный бамбук—
Дождь на почве горячих разлук—
И пустынно звенит за плечами.

А мальчишечьи слезы — ежи.
Уколись, но в руках поддержи
Самолюбье в иголочках соли:
Это мир виноват...

(Это шкаф
Не на месте стоял, — и, упав,
Лупят в дерево, морщась от боли...)
Вот свисает с еловых ресниц
Удлиненная капля: приснись,
Прислонись — отгремело исчадьё. Изломало,
прожгло, но уже
Посветлело вокруг и в душе.
И свежо... И тревожно... И счастье.

* * *

Клеенка. Стакана ребро

Сквозь дрему -- колонной...

Так столбики света в метро Скользят
по наклонной,

Березы — в ночном ветровом
Кромешном квадрате...

Забыться во сне видовом

У края кровати,

Забиться...
Свисает рука
(Не холодно—Лета)
И светится из далека —

V

Поиграю дразнящей бумажкой

С беспризорным котенком судьбы...

Будто хвостиком черным помашет

Лоскутом закопченной трубы...

Ухитрится бечевку запутать

Так, что пойманной рыбой—гортань,

А царапался в двери — запуган

И пискляв—ну, не плачь, перестань,

Ну, обнюхай, неверящий, блюдце,

Весь в коросте—ночуй на тахте.

Видно, звезды над нами смеются,
Разбиваясь на черной черте.

Спohватилась... Прижался котенок,
Присосался, прижился вконец

И ночных, и подземных потемок

Шелудивый сиамский близнец.

Пусть растет, обретает величье,

Доиграюсь—извольте карать,

Но судьбе и в господнем обличье

Не позволю с собою играть!

Говори, как ты любишь меня, говори,
Краснобай, мастер лестного устного
слова...

Говори...

Отгорели мои
сентябри,
Складный вымысел твой —
жертва умысла

злого...

После тяжких трудов—дифирамбам
внимать

Неприлично, а то потирала бы руки...

Потерпи,

я еще научусь обнимать
Манекены любви, а не символ разлуки.
Мы проснемся с тобой, собирательный
тип,—

Незадачливый друг, не понявший
подвоха...

Поищи-ка погуще аллею из лип—

Для гармонии это, ей-богу, неплохо...

А потом — отпущу

(а подумаешь—

сам...),

Ловелас на крючке, заостренном
другому...

И тогда —

изумленным лицом к
небесам:

Как он смеет хотя бы не броситься

в
омут
?!

С тех самых пор—пора потерь.

И снова—каждая—впервые...
Следы сорвавшихся петель—

На шее кольца годовые.
Спиралью круговой беды

Густеют синие следы...

А ты, накинув плат пуховый,
Глотаешь чай, как птица—звук,
И слышишь, как тебя зовут:
Как пятый всплеск в тени ольховой,
Как соль, смеющаяся в ля,—
За плагиат простит влюбленный
И не заметит, что под кроной
Сошлась последняя петля...

Что накрениться и упасть

Могла бы легче и жеманней,

Что здесь иной предел желаний,

Иная мысль, иная страсть...

Тише едешь—и память близка...
Замирает души половинка,
Как на влажной ладони листка
В черных оспинках божья кровинка.,
Оторвав от привычек, .и книг,
И забот о черствеющей корке,
Подари мне заоблачный миг
На пригретом июльском пригорке...
И покажется: прочее—блеф,
Прятать нечего, мучиться—нечем;
Вон как скачет, в траве ошалев,
Голенастый нескладный кузнечик!..
И ромашка—последняя блажь—
Облетает, как жизнь и обида,
И шуршит муравьиный шалаш,
Как в библейских песках пирамида..

И говорить, и говорить, и целовать...
И целовать, и целовать, и говорить...
И жесткий ворот — спохватиться — сыроват,
И уголок его обмяк... И повторить:
И говорить, и целовать, и—наяву...
(Как высоко... Звенит в висках... Не упади!..)
И вознестись на безымянную траву,
Где колокольчик вырастает из груди...
И вспыхнет солнце—сквозь листву—
наискосокок,
И в чутких пальцах (целовать и целовать)
Услышать каждый золотистый волосок
И теньевую растрепавшуюся прядь...
А я не ведала, что арфа — на плечах!
А нищий видел только солнечную медь...
И говорить, и говорить, и замолчать...
И целовать, и целовать, и—
онеметь...

Мысль сузилась как мыс

И светится как плес.

(Все тоньше компромисс
Реальностей и грез.)

Запекшийся порез,

Чарующая сталь...

Мысль сузилась как рельс,

Как треугольник стай. ...

А там, в конце пути,

Где падает рука,—

Ну вот и все. Стекают руки с плеч...
Отбой. Мы излечились от бессонниц,
Бессовестных видений, зова звонниц

В коробочках, спасающих от встреч...
Нет, не начало. Ночь поторопи—

Тогда она продлится...

Это —выдох.

Последний выход: так вправляют вывих,
Пронзая болью... («Сжался...»—

«Потерпи...»)

Не горечь. Не купанье в небесах.
Нет, так не любят. Так—на хрип—рожают.
Так—мстят. Так цель, сжав зубы, поражают!
И все, — и только слезы на глазах...

В покосившейся, брошенной, сгнившей избе
Копошится, живет, остается Душа:
Теневая старушка—из тех,
Чьи шаги как шуршание камыша...
Верю в души вещей, что слагались с душой
Из бревенчатых строк, из ликующей глины.
И когда бесполезнее слез ретушер,
Отделяется

вдох

от предметности

линий...

То не воздух над нами—легчайший музей,
Где набросками на папиросной бумаге
На упряжках капустниц бескровные маки—
Души нас не сгубивших страстей...

Перед чудом каким оробеть,
Ослабеть, запрокинуться взглядом?
Даже небо и то в парапет

Изойдет заодно с листопадом.
Золотой эклектический ток

До зевоты знакомой картинки. ...

Ну, чего тебе, мокрый листок?
Видишь, осенью слепнут ботинки...

Уже и желудей под листьями не видно—
Осенняя печаль все шире и светлей..

И быстрые шаги звучат постыдно,

Как бегство в тихом шорохе аллей.

Прелюдия к зиме... Начало запустенья...

Все ближе этот час в природе и в душе.

И мы, мой друг, и мы—бесслезные растенья

* * *

Что-то слова погрузнели, как будто

Жизнь улыбнулась
в иллюминатор,...

Шаркают ветры, в листья обуты;
Ливня ушат бы?

Или не надо?

Осень взхлеб ли, осень сухая—
Все-таки осень.

Все-таки очень

Разная...

Разная чепуха и

Невероятность снится под осень.
Как под пластинку сквозь переборку
Текст неразборчив.., Текст неразборчив...
Текст неразборчив, но разговорчив
Чайник, поставленный греться на полку.

VI

* * *

Какая погода!
Ты слышишь, какая
погода!
Осенняя ясность, —
что может быть глуше
и чище...
А все этот мальчик,
обиженный мальчик
с фаготом,
Что музыку ищет,
сбежавшую музыку
ищет
В заросших канавах,
в пустом Мариинском
театре.
(Врожденная нота — высокое
произношение.)
Трепещут ресницы
и бледность щеки
оттеняют,
И сбившийся галстук
сжимает
подтекстом
нашейным...
Витай и витийствуй,
рыдая зияющим
креслам! Ты можешь напиться,
проклясть,
мельтешить
на арене,,
Но чтобы в другой
уходящая
эта воскресла,
Раскрой свой футлярчик,
свое вдохновенное
зренье!
Какая погода!
Ты слышишь, какая погода!

Смешав дыхания, зажглись

Спиной к умытым палисадам...

Смотри:

 шиповник и жасмин

Цветут-неистовствуют рядом.

Как будто шепот-разговор

Перерастал в бунтарский сговор,

И словно за борт—

 за забор

Швырнуло сладко и рисково!

И не потух, и не продрог

(И кто мудрее, чем лихие!),

Их поцелуй вдоль всех дорог

Пылает бакеном стихии,

Перевернувшей гладь шоссе

На черноту, на амальгаму,

На глубину природы всей

Где облака — под мотыльками.

Жасмин...

 Шиповник...

 Лучик ржи..

И взгляд, осекшийся смеяться.

...С ума сойти, ;как пахнет жизнь,

Зайдясь чахоточным румянцем!

Угомонилось
 Улеглось.
Грозило• и не разразилось.

Шевелит ветер теплый силос
Сухих светлеющих волос.
Гудят ромашки, как шмели
Над головой...
 Еще немного—
И нас обратная дорога
Отрежет
 рельсой
 от земли.
И снова станет недосуг
Вглядеться в сводчатую воду,
Доверив гром громоотводу,
А не глазам, сверкнувшим вдруг,
Как в заговоре озорства
Минутном, спрятанном ладошкой,
И — улеглось...
 Еще немножко!
 Еще—цветов из рукава!..

* * *

Чудес не бывает. Не сядет на шпиль
самолет.
И блик мотылька опростается
 кислой тряпицей,—
Бесплодная слизь... И чему не дано—
не случится.
И ляжет на жизнь затяжной бронированный
лед.
Сезонность печалей—не каверзность
 календаря.
Приметы погоды--унылая дань суесловью.
Что пишем не кровью,—
 смущаются критики зря, —
Вот именно ею, густой регулярною кровью..

Нечистой и честной. На свой—
расчлененный —
аршин. Танцующий циркуль—отросток свечи
поминальн
ой. И трепет струится по впадине между
вершин Горючий, как воск,
и банально-
экзистенциальный. Застынет мгновенье.
Затянется белый рубец
Не солнцем, но тучей. Обыденно и
безвозвратно.
А листья? А снег? Это памяти заспанной
пятна.
Осадки творенья... И чудо судьбы, наконец.

А жизнь—всего лишь форма ностальгии

По жизни, где какие-то другие,

Сиреневые, может быть, дома...

И дерево мертвецкого оттенка

Как демон вырастает из простенка;
Встряхнется—и зажмуришься: зима!
...Забиться в человеческой породе,
Копаться в черно-белом огороде
Своих бесплодно-каторжных трудов,
Где виденье сливается с виденьем,
И капает качнувшийся светильник
Горючим воском стынущих садов...

КАТАНИЕ НА ЛОДКЕ

Когда накатывает злость,
Не торопись кидаться вплавь.
Рекорд — юнцу, портрету — гвоздь,
А нам — весло: пригнись и правь...
Не до арбузных берегов—
Так до кровавых волдырей...
И пену хриплую с боков
С надменной вежливостью брей...
Раскрылья рук, локтей излом,
Благословенные труды,
Светостремительным веслом
Ночная пахота воды.
Сиянье в каждом волоске
В лунной очерченном кругу!
А вздутой жилки на виске
Не видно там, на берегу...

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Мне хватит, мне этого больше не нужно! -
И поезда охрип...
Кончается лето, как детские дружбы,
Прохладой и охрой.
Редее пространство, темнеет помада,
И складка все резче...
Прощай, земляника с глухим ароматом,
Как тайные встречи...
И время иссякло, и сердце не хочет,
И зреет гроза, и
Березовый дождик мне щек не щекочет—
По стеклам сползает...
Сухие, как память, с чайком бутерброды
Баюкает столик;
И легкая грусть в перестуках природы
С движением воли...

* * *

Меня всегда любили старики

Не за мою ль безвременную старость?

За страсть свою. За острый взмах руки.

За горький вздох—мол, что еще осталось—
Меня всегда любили старики.

Не бережем их, ох, не бережем...

И семенит судьбы благодаренье,
Шурша в каком-то странном измеренье
Так глухо, будто ниже этажом...

О, мамонты! О, дух перевести!

(Ваш мощный Дух—на мелочные

всплески...

Как серафимы вьются занавески,
И мотылька от лампы не спасти,
Не убережь...

Уходят старики...

В цветах коснеет маленькое тело.

И, как туман светающей реки,

Клубится пыль судьбы осиротелой...

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Всех проводила. Стою на пустынном перроне.
Стало быть, круглая, ежели всё под откос...
Только одно утешение: что и меня похоронят,
Также столкнут под унылую песню колес...
Только одно наслаждение: сладкое жженье
Проводов долгих, поминок
(а сборы—на вздох)...

Стало быть, круглая, если головокруженье
И под щекою шершавая туча как мох...
Я уже там—до безумия, до половины...
Только одно притяженье: ручонка в руке,
Белый листок, да с вершин золотые лавины,
Да огонек на далеком—ау!—бугорке...

2.

Сесть на поезд и слушать колеса

С тихой грустью на бледном лице:
Наизусть, вспоминаясь, польется
Полюбившийся с детства концерт...
Паганини в березовой зоне—
Шелестящий по струнам вагон.
Не дарил мне иных филармоний
Под щекою отцовский погон...
Стыдно сетовать, глупо гордиться,
Поворачивать поздно—Судьба... ..
Если выпадет снова родиться—
Не снимайте окошка со лба!
Вспыхнут звезды как синие слезы—
Незаметна стекла полоса. ...
Сесть на поезд и слушать в колесах
Из глубокой земли голоса...

НАД КРОВАТКОЙ СЫНА

Белокрылые ребятки
Не наткнутся на углы...
Их нестопанные пятки
Розовее пастилы.

Видишь, как они порхают, Дразнят
лентой голубой, Подплывают, и
махают,
И зовут тебя с собой...

Сменим гнойный бинт на ранке,
И щекой прильну к плечу,—
Я тебя, мой теплый ангел,
В ихний сонм не отпущу!

Я и бога не прощу,
Никого не подпущу,
Ни в каком лучистом ранге!

Спи, мой ангел, мой один Под
вселенскими огнями;
Над кроваткой до седин
Досижу я, отгоняя
Рой назойливый...

Сейчас...
Пей... Чуть-чуть...

Еще немножко..
И дрожит на чайной ложке
Морс—как мой бессонный глаз.

СЕМЬЯ

На троих нам восемьдесят лет...
(За окошком тихий дождик льет.)
Теле-еле-бережный балет
(Журавли построилась в полет)...
Звук погас, и выключили свет
(Но глаза под веками не спят).
Я стройна, и ты еще не сед,
Сын растет... (Как светел мир и свят!)
Трудный гриф (как нежен третий лад),
Твердый грифель (как сиренев след)...
Клен мерцает, вставленный в оклад,
Словно клад, упрятанный в багет...
На троих нам восемьдесят лет.
На экране—вьюга балерин.
За окошком лунный струнный свет
И мельканье звездных пелерин...

О, запоминать, запоминать
Пальцами —чугунные сады...
Бабочку в цветок запеленать,
Провожая взглядом до воды

Чайку, лучик, в маечке мальчика...
...О, запоминать, запоминать
Порами горячего лица,
Сердцем, устыдившимся пинать

Встречное...

О, камешек!

Листок—

Скрипочка в футляре!

О, сыграй

Кто-нибудь!

Во рту горчит глоток

Воздуха, балетного, как рай...

* * *

Покуда громкоговоритель
Цветка вещает о любви,
Нам жить и жить на этом свете..
И соучастие яви
Неугомонному гуденью
Пчелы, росе со щек листа.
...Ах, наша жизнь до слез проста
Во всем своем грехопаденье.

СОДЕРЖАНИЕ

«Деревья никуда не улетают...»	5
Из цикла «Родословная»	
1. «Ничего и не надо особого, нового...» .	6
2. «День, последним не ставший...» ...	К
«Мандарины зимой удивительно пахнут...» . .	7
«Слипаются фразы, совсем разучилась читать...»	8
«Щенок не мне принадлежит...»	9
«Мой полубелый-получерный...»	10
«До обидного прост и педолог...»	10
«Весь город меняет квартиры...»	11
«В гранатовом зерне...»	11
Родителям	12
«Словно важное что-то в толчее потеряла...» .	13
Снегопад	14
«И пока на морозном конверте окна не погашена марка...»	17
II	
«Чуть-чуть незавершенности, чуть-чуть.. «Не плачь. А плащ пускай сверкает...» «Прощаться легче в аэропорту...» .	20
тлн, «Т.Т.»...>^./... ..	21 21
цикла «Взморье»	23
1. «Откуда бабочка-капустница...»	23
2. «Мидию, узницу склепа...»	24
3. «Не махать бы мне руками...» Из цикла	25
«Призвание в любви»	25 27
1. «Постой, Галатея. Взгляни уже...»	31
2. «Лучше сбоку припека. на запыстье:	32
Признаюсь: боюсь визави...»	
3. «Мир дому нашему. Не улетел...» .	
«Мальчик, бабочка, сачок...»	
«Я живу высоко. Подо мною—простор и уют...»	34
III	
Из цикла «Памяти отца»	
1. «Ну продержишься еще...»	
2. «Вдруг приблизились и -- голубые!..»	
3. «Воскресни! Взгляни, что творится...»	
4. «Пусто, как лошадки протрусили...» .	
Деревенский эскиз . .	
«Пахнет жареным. Тошнит. Шумят соседи..»	
IV	
«Зачем...»	
«Пастернак будто внове — в траве...»	
«Не понимая, с собой унесу...»	
«Не заспать бы душу...»	
«Здравствуй, покинутый, вот мы ц свидетелись..»	
«Не отражают зеркала...»	
«Кажется?...»	
«Двоюродный лире певучий кувшин...» «Загнуты, как фантики...»	
«Сколько слез — хоть выращивай лес!..»	
«Клеенка. Стакана ребро...»	
«Через плечо заглядывая в книгу...»	
«Поиграю дразнящей бумажкой...»	
«Говори, как ты любить меня, говори...»	
«С тех самых пор -- пора потерь...»	
«Тише едешь—и память близка...»	
«И говорить, и говорить, и целовать...»	

»

«Мысль сузилась, как мыс...»
«Дождь на елке и снег за окном...»
«Ну вот и все. Стекают руки с плеч...»
«В покосившейся, брошенной, сгнившей избе...»
«Перед чудом каким оробеть...»
«Уже и желудей под листьями не видно...» ' . «Что-то слова погрузтели,
как будто...» .

VI

«Какая погода!...»
«Жизнь радужней, чем крылья стрекозы...» Из цикла «Широколиственный июнь»
1. «Смешав дыхания, зажглись...»
2. «Угомнилось...»
«Чудес не бывает. Не сядет на шпиль самолет...»
«А жизнь—всего лишь форма ностальгии...» . .
Катание на лодке 63
Прощание с летом 64
«Меня всегда любили старики...» 65
Два стихотворения
1. «Всех проводила. Стою на пустынном перроне...» 65
2. «Сесть на поезд и слушать колеса...» . . 66
Над кроватью сына 66
Семья 67
«О, запоминать, запоминать...» 68
«Покуда громкоговоритель...» 68
«И в том, и в этом разуверюсь...» 69

Ольга Юрьевна Бешенковская

ПЕРЕМЕНЧИВЫЙ СНЕГ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1987, 72 стр. План выпуска
1988 г. № 231

Редакторы *М. И. Дикман* и *М. В. Гопле* Худож. редактор *Б. А. Комаров* Техн. редактор *Г. В. Мисюль* Корректоры *Е. Д. Шнитникова* и *Е. Я. Лапиль*

ИБ № 6310

Сдано в набор 12.06.87. Подписано к печати 6.10.87. М 15045. Формат 70X90/зг.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура, Высокая печать. Усл. печ. л. 2,63. Уч.-
изд. л. 2,64. Тираж 3000 экз. Заказ № 1629. Цена 30 к.

Ордена Дружбы народов издательство «[Советский писатель]». Ленинградское
отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

ПО-3 Ленуприздата. 191104, Ленинград, Литейный пр., 55. 72